

УДК 002.2

КНИГОЗНАВСТВО

**ВЛИЯНИЕ ФИЛОСОФСКИХ УЧЕНИЙ
НИКОЛАЯ ФЕДОРОВА И АЛЕКСАНДРА БОГДАНОВА
НА ТВОРЧЕСТВО АНДРЕЯ ПЛАТОНОВА
В ОЦЕНКЕ СОВРЕМЕННОЙ РУССКОЙ
И АНГЛОЯЗЫЧНОЙ КРИТИКИ**

© **Е. В. Куликова**, МГУП, Москва, Россия

**Розглянуто вплив філософських навчань М. Федорова
і О. Богданова на творчість А. Платонова в оцінці сучасної
російської і англійської критики.**

**Influence of philosophical doctrines of N. Fedorov and
A. Bogdanov on A. Platonova's creativity in an estimation
of modern Russian and English-speaking criticism is considered.**

Феномен Андрея Платонова занимает одно из центральных мест в русской литературе XX столетия и привлекает к себе пристальное внимание читателей и литературоведов. Несмотря на многочисленные исследовательские работы, посвященные его творчеству, А. Платонов все же остается на сегодня одним из самых непонятых писателей. Причем это непонимание объясняется, в частности, огромной философской сложностью и неоднозначностью его произведений. Как отечественные, так и зарубежные литературоведы указывают на огромное влияние философии на творчество Андрея Платонова. Леонид Карасев назвал его «писателем с очевидным философским и научным креном»¹.

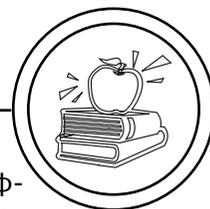
Многие исследователи пытаются найти ключ к его в творчес-

тву через изучение тех философских учений, которые оказали несомненное влияние на творчество писателя.

Так, Айлен Тески², считающая, что христианский философ-утопист Н. Ф. Федоров (1828—1903) оказал наиболее существенное влияние на становление философского мировоззрения Платонова, полагает, что изучение творчества Платонова в целом и «Чевенгура» в частности в контексте философии Федорова показывает, что идеи русской революции имеют мало общего с современными революционными теориями (как это следует из советских литературно-критических статей), а в гораздо большей степени ее корни уходят вглубь религиозного сознания народа и развивают идеи, которыми пронизана вся русская история. Англий-

¹Л. В. Карасев. Движение по склону. — М., 2002. — С. 72.

²Ayleen Teskey. Platonov and Fedorov. The influence of Christian philosophy on a soviet writer. — Amsterdam, 1982.

ский исследователь настаивает на том, что, занимаясь изучением творчества Платонова, следует принимать во внимание как жизненный опыт писателя, ставшего свидетелем грандиозных социальных преобразований, так и различные философские идеи, которые оказали влияние на молодого Платонова.

Как известно, Платонов был чрезвычайно начитан и разбирался во всех философских тенденция своего времени, серьезно и глубоко был увлечен философией, много времени он посвящал также чтению философской и художественной литературы.

Проблема влияния философских учений на творчество Платонова обсуждается в литературоведении довольно давно. Многими исследователями было отмечено влияние учения Федорова на творчество писателя, среди них такие известные платоноведы, как Н. В. Корниенко, Н. Г. Полтавцева, Н. Г. Кузин и др. Тему взаимоотношений Федорова с писателями освещали К. Брашт, В. Никитин, Н. Скатов. Специальную статью этому вопросу уже в 1979 году посвятила С. Г. Семенова, исследовательница федоровского учения, во многом благодаря усилиям которой творчество Н. Федорова вернулось из забвения.¹

Все исследователи сходятся в том, что наибольшее влияние

на Платонова оказали философские идеи Николая Федорова, Владимира Соловьева, при этом некоторые, такие, как и Аллен Тески и Томас Шейфрид, на второе место по значимости влияния ставят Александра Богданова (А. А. Малиновского, 1873—1928).

Как указывается в книге Н. М. Малыгиной, открытие в 1969 году американским исследователем А. А. Киселевым факта знакомства Платонова с «Философией общего дела» Федорова имело принципиальное значение для понимания творчества писателя. Однако, публикация в журнале «Грани»² оставалась недоступной советским исследователям, и влияние учения Федорова на Платонова было вновь «открыто» в конце 1970-х годов: одновременно и независимо друг от друга об этом писали Е. Толстая-Сегал (Израиль), С. Семенова и Н. Малыгина³.

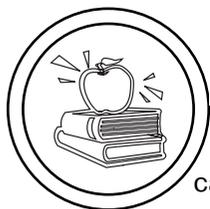
Так получилось, что российские и зарубежные исследователи каждый своим путем приходят к пониманию того, как именно учение Федорова повлияло на творчество Платонова и какое художественное воплощение обрело в его произведениях.

С. Г. Семенова показывает, что он не просто писатель с философскими интересами, а пи-

¹Семенова С. Г. В усилия к будущему времени... (философия А. Платонова) // Литературная Грузия. — 1979. — № 11. — С. 104—121.

²Александров А. О повести «Котлован» А. Платонова // Грани. — 1970. — № 77. — С. 134.

³Малыгина Н. М. Андрей Платонов: Поэтика возвращения. — М., 2005. — С. 130.

КНИГОЗНАВСТВО

сатель-мыслитель: «А. Платонов обладал редким по цельности и убежденности мировоззрением, прямо связанным с традицией активно-эволюционной, космической мысли»¹. И это в самом деле так, поэтому неудивительно, что творчество Платонова рассматривается даже в диссертациях по философии, в частности в диссертационном исследовании Н. М. Елфимовой «Русский космизм о природе жизни и смерти (Н. Федоров, К. Циолковский, А. Платонов)»² и С. В. Мясниковой «Проблема социального идеала в философско-литературных произведениях А. А. Богданова, Е. И. Замятина, А. П. Платонова»³.

Автор первого диссертационного исследования, подобно С. Г. Семеновой, видит в А. Платонове не автора, на чье творчество сильное влияние оказали идеи Николая Федорова, а самостоятельного философа наряду с Н. Федоровым и К. Циолковским. Проблема преодоления смерти в данной работе последовательно анализируется в качестве сквозной в творчестве трех представителей русского философского космизма, относящихся к различным его направлениям — религиозно-философскому (Н. Федоров), естественно-научному (К. Циол-

ковский) и гуманитарному (А. Платонов). С. М. Мясникова также рассматривает творчество Платонова как целостную философскую концепцию, а не совокупность художественно-литературных произведений, и называет Платонова, наряду с Богдановым и Замятиным, не писателем, а мыслителем.

Правда, такой взгляд на творчество Платонова присущ только Елфимовой и Мясниковой. Другие же русские и зарубежные исследователи склонны говорить о влиянии творчества философов, среди которых, несомненно, Н. Федоров и В. Соловьев, А. Богданов, и ряда писателей на творчество Платонова.

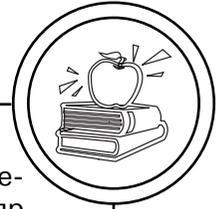
Поскольку результаты исследований отечественных литературоведов опубликованы и доступны для всех желающих подробно ознакомиться с ними, в данной статье они будут охарактеризованы в общих чертах, основное же внимание будет уделено исследованиям англоязычных литературоведов, труды которых преимущественно не переведены на русский язык и вследствие этого нередко выпадают из поля зрения отечественных исследователей литературы.

В первую очередь представляется целесообразным уде-

¹Семенова С. Г. Николай Федоров: творчество жизни. — М., 1990. — С. 364.

²Елфимова Н. М. Русский космизм о природе жизни и смерти (Н. Федоров, К. Циолковский, А. Платонов). — М., 2005. Дисс.... канд. философ. наук.

³Мясникова С. В. Проблема социального идеала в философско-литературных произведениях А. А. Богданова, Е. И. Замятина, А. П. Платонова. — Екатеринбург, 2006. Дисс....канд. философ. наук.

лечь внимание ценной монографии Алена Тески «Платонов и Федоров: влияние христианской философии на советского писателя»¹. Хочется сразу оговориться, что влияния собственно христианской философии на творчество писателя в данной монографии не прослеживается, а подзаголовок, указывающий на влияние христианской философии на писателя, по-видимому, появился вследствие того, что английский исследователь считает Николая Федорова христианским философом-утопистом. Влияние христианской философии на платоновское творчество рассмотрено другим исследователем — переводчицей творчества Платонова Анжелой Ливингстон (Кольчестер) в работе «Христианские мотивы в романе «Чевенгур»»².

Как справедливо полагает Ален Тески, влияние таких философов, как Будда, Сократ, Платон, Аристотель, Спиноза, Кант, Бергсон (Bergson) и Спенглер (Spengler), и писателей Достоевского, Салтыкова-Щедрина, Бунина, Чехова, Ремизова и Замятина, из западных — Сервантеса, Томаса Манна может быть прослежено в ранних произведениях Платонова. Однако, настаивает исследователь, творчество двух мыслителей сыграло особую роль в формирова-

нии взглядов русского писателя. Первый из них Александр Богданов, лидер движения Пролеткульт, теория которого была, несомненно, хорошо известна Платонову и оказала огромное влияние на образ его мыслей, а второй — несомненно, Федоров. Как полагает исследователь, влияние Богданова преобладает в ранних произведениях писателя, и именно благодаря этому влиянию они оптимистичны.

Примерно в то же время, в 1985 году, В. А. Чалмаев пишет о том, что «бездущные и бесстрастные идеи А. Богданова, бывшего «эмпириокритика», разгромленного В. И. Лениным в работе «Материализм и эмпириокритицизм», акцентированная грубость его вторжения в гуманистические проблемы культуры, социологии не находили отклика у Платонова»³. Собственно в этом случае трудно делать выводы о том, насколько данное высказывание является точкой зрения автора либо оно было вызвано необходимостью высказываться в духе догм коммунистической партии. По-видимому, такие умозаключения и позволили Айлен Тески, указавшей на то, что «исследования советских ученых в этой области (изучения творчества А. Платонова — Е. К.) подчинены требованиям официаль-

¹Aylen Teskey. *Platonov and Fyodorov. The influence of Christian philosophy on a soviet writer.* — Amsterdam, 1982.

²Страна философов А. П. Платонова // Проблемы творчества. — М.: ИМЛИ РАН. — 2000. — Вып. 4. — С. 556—561.

³Чалмаев В. А. Примечания // Платонов А. П. *Собрание сочинений в 3-х т.* — Т. 3. — М.: Сов. Россия, 1985. — С. 568.

КНИГОЗНАВСТВО

ной идеологии»¹, делать выводы обо все еще существующей несвободе и ангажированности советской критики, хотя С. Г. Семенова² уже в 1978 и Н. М. Малыгина³ в 1984 говорили об огромном влиянии учения Николая Федорова на творчество Андрея Платонова. Н. М. Малыгина также отмечала связь публицистического творчества А. Платонова и А. Богданова, писала о том, что урбанистические элементы платоновской утопии связаны с рационалистической социальной утопией Богданова, и в то же время она обращает внимание на то, что увлечение теорией пролетарской культуры Богданова не исключало для Платонова ее критического осмысления и неприятия некоторых ее положений⁴.

Тем не менее, следует признать, что в целом советские критики гораздо меньше внимания уделяли влиянию идей Александра Богданова, чем их западные коллеги, показавшие сходство идей Н. Федорова и А. Богданова. Возможно, это было

вызвано идеологическими соображениями: все-таки Федоров в отличие от Богданова не являлся одним из основных соперников В. И. Ленина.

Философские труды Богданова, как пишет исследователь его творчества Г. Д. Гловели⁵, не повторили счастливой судьбы его популярных экономических учебников. Для одних критиков он остался пропагандистом «кружковой отсебятины», слишком склонным к материалистическому пониманию истории в период возрождения религиозного идеализма⁶, для других (изгнавших потом первых из России) — опасным «ревизионистом», якобы протаскивающим в рабочую среду идеализм и прочие «буржуазные» воззрения⁷.

Богданов, как пишет о нем Ален Тески, был оригинальным и всесторонним мыслителем, интересы которого распространялись на ряд дисциплин, включая политэкономия, философию и пролетарскую культуру. Он был философом-материалистом, но был критично настроен

¹Aylen Teskey. Platonov and Fyodorov. The influence of Christian philosophy on a soviet writer. — Amsterdam, 1982. — P. 1.

²Семенова С. Г. В усилки к будущему времени... (философия А. Платонова) // Литературная Грузия. — 1979. — № 11. — С. 104—121.

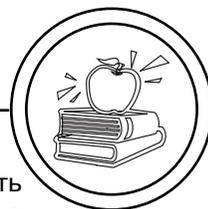
³Н. М. Малыгина. Особенности философско-эстетических исканий А. Платонова. — Якутск, 1984. — С. 5.

⁴Малыгина Н. М. Андрей Платонов: Поэтика возвращения. — М., 2005. — С. 31.

⁵Гловели Г. Д. Тектология: генеалогия и историография // Богданов А. А. Тектология: Всеобщая организационная наука. — М.: Финансы, 2003. — С. 4.

⁶Бердяев Н. А. Заметка о книге А. Богданова «Познание с исторической точки зрения» // Вопросы философии и психологии. — 1902. — Вып. 3(63). — С. 845.

⁷Ленин В. И. Полное собрание сочинений. — М., 1973. — Том 18.

по отношению к ряду аспектов материалистической философии.

В философии Богданова, по-казывает А. Тески, есть ряд идей, оказавших особое влияние на раннего Платонова.

1. Прежде всего, это мировоззрение, придающее основное значение работе в жизни человека.

2. Платонов также был солидарен с Богдановым в его вере в незавершенность творения и убежденности, что мир досоздается или совершенствуется усилиями всего человечества.

3. Пожалуй, вопрос о развитии техники один из тех, где особенно ярко прослеживается влияние Богданова. История воспринимается Богдановым как постоянный процесс борьбы человека со стихией и попыток природы противостоять активности человека; развитие техники рассматривается как серьезный шаг, сделанный человеком в этой борьбе. Финальная стадия развития человеческого общества рассматривается Богдановым как появление самодостаточной коллективной экономики, где все люди могут объединиться в борьбе с природой. Борьба, по мнению Богданова, в итоге приведет к завершению великой задачи человечества — самосовершенствования.

А вот цитата из статьи Платонова «Пролетарская поэзия», которая впервые была опубликована в журнале «Кузница» № 9

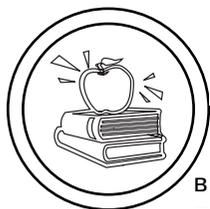
в 1922 году: «История есть путь спасения чрез победу человека над вселенной. И мы идем к бессмертию человечества и спасению его от казематов физических законов, дезорганизованности, случайности тайны и ужаса. Конечная наша станция — постижение сущности мира.¹

Как и Богданов в свое время, Платонов не удовлетворился простым следованием идеям своего наставника, но думал о дальнейшем развитии этих идей, и избранное им направление развития привело его к Федорову и его философскому учению.

Это процесс развития можно проследить по ранним произведениям Платонова. Его первая публикация «Электрификация» — работа, несомненно Платонов ратует за развитие электрификации в Советском Союзе и приводит множество примеров того, каким образом это приведет к увеличению эффективности использования энергии. Но, что особенно интересно, технические особенности сохранения энергии — основное значение в философии технического прогресса.

Платонов не только воспринял богдановскую идею борьбы человечества против природы, но и развил ее. Коммунизм, писал Платонов, это борьба не только против Капитала, но также против природы. Электрификация лучшая артиллерия в этой борьбе. Развивая эту мысль, Платонов перемещается

¹Платонов А. П. Пролетарская поэзия // Платонов А. П. Собрание сочинений в 3-х т. — Т. 3. — М.: Сов. Россия, 1985. — С. 523.

КНИГОЗНАВСТВО

в область метафизических предположений, что отдаляет его от изначальных тезисов Богданова. В этот момент и зарождается впервые то его любопытное смешение абстрактного и конкретного, которое позднее станет важнейшим литературным выразительным средством писателя.

Таким образом, Аллен Тески сопоставляет теорию Богданова и Платонова и находит между ними много общего. При этом можно отметить некоторую схематизацию идей Платонова.

К концу «воронежского» периода, когда интерес к исследованию федоровских тем становится более отчетливым, произведения писателя становятся все более пессимистичными: отсюда прокладывается путь к «черной» сатире «Чевенгура» и других более поздних произведений. Далее исследователь прослеживает эволюцию раннего творчества Андрея Платонова в контексте влияния, оказанного философскими идеями А. Богданова и Н. Федорова.

А. Тески полагает, что Платонов предлагает философскую модель исторического развития, в которой можно распознать три основных этапа в истории человечества — прошлое, настоящее и будущее. В процессе диалектического развития в будущем предполагается создание совершенного общества. Первый этап — период несознательности, когда чело-

век существует в мире мечты, весьма далеко от реальности. На этом этапе мир представляет собой нашу идею о нем, что далеко от самой реальности. В подтверждение своих слов английский исследователь приводит такую цитату из статьи «Пролетарская поэзия» А. Платонова: «До сих пор миром мы называем наше представление о мире. Теперь мы переходим к тому, чтобы миром называть не наше чувство мира, а самый мир»¹. Это тесно переплетается с федоровским видением той же проблемы: «Мир это только идея, а не реальность»². Для того чтобы дать этой идее литературное воплощение, Платонов обращается к детским воспоминаниям о жизни в русской деревне, передавая через образы деревенской жизни и природы философские идеи развития человечества. Он посвящает этой теме заключительную часть стихотворений из сборника «Голубая глубина» (1922, Воронеж).

По контрасту исторический период, современный писателю, рассматривается Платоновым как время, когда все приспособлено к производству материальных ценностей для удовлетворения физиологических и сексуальных потребностей людей. Эти идеи также перекликаются с федоровскими взглядами на развитие индустрии.

Второй этап — это период распада, когда процесс создания благополучия приводит к

¹Платонов А. П. Пролетарская поэзия // Платонов А. П. Собрание сочинений в 3-х т. — Т. 3. — М.: Сов. Россия, 1985. — С. 523.

²Федоров Н. Ф. Философия общего дела. — М., 2008. — С. 16.

падению старых форм общественного уклада и увеличивает пропасть между богатыми и бедными. Платонов двигается в том же направлении, что и Федоров, в вопросе базового противоречия между сексуальностью и достижением коллективных социальных целей. Как и Федоров, Платонов придерживается мнения, что человечество объединяется в борьбе с природой, а сексуальные силы должны постепенно увядать.

Особо Аллен Тески выделяет стихотворения, расположенные в середине сборника стихов Платонова, так как они иллюстрируют его философские взгляды того периода. Здесь стихи о любви, в которых поэт упивается этим чувством, в то же время помня о противоборстве чувств и разума, также есть и стихотворения, живописующие постепенное пробуждение природы после долгого сна, и, наконец, стихотворения о распаде и беспорядке (хаосе), которым знаменуется конец Христианской эпохи.

Третий этап, по Платонову, принадлежит будущему, и именно в понимании данного этапа ему становится наиболее близок Федоров. Будущее должно стать «Царством сознательности». Платонов также подчеркивал, что человеку необходимо активно стремиться к своему спасению. Он поддерживал большевистскую революцию потому, что верил в то, что она заро-

нит искру того самого «Царства сознательности» и что под ее началом будут сделаны первые шаги к преобразованию действительности научными средствами.

Именно так воссоздав свое понимание революции в образах, Платонов вторит федоровской вере в физическое бессмертие, которое будет достигнуто, когда человек сможет, пользуясь научными знаниями, контролировать природу.

В таком понимании платоновского видения одной из задач революции с Аллен солидарна советская исследовательница С. Г. Семенова. По ее мнению, Федоров указывал на необходимость нового сознательного этапа революции: братское объединенное человечество выходит в космос, становится его активным преобразователем и управителем. Но главной задачей становится окончательная победа над смертью, обретение человечеством нового бессмертного статуса, причем в полном составе прежде живших поколений («воскрешение предков»). Но далее исследовательница основное внимание уделяет теме смерть—бессмертие в творчестве Платонова и именно в этом видит выражение влияние философии Федорова. Платонов не раз сосредоточенно останавливается — понять! — на физиологии смерти, пишет исследовательница¹. Он умеет подчеркнуть ужас и тлетворность разложения.

¹Семенова С. Г. В усилиях к будущему времени... (философия А. Платонова) // Литературная Грузия. — 1979. — № 11. — С. 104—121 и Русская поэзия и проза 1920—1930-х годов. — М., 2001.

КНИГОЗНАВСТВО

Ален же преимущественно видит влияние философии Федорова на творчество писателя в том, как писатель относится к подавлению природы.

В этом его взгляды созвучны идеям, высказанным Н. М. Малыгиной¹, которая убеждена, что отношение Платонова к истреблению природы во многом объясняется его сочувствием идеям Н. Ф. Федорова, считавшего, что человек, не выполняющий задачи воскресения умерших является «хищником слепой природы...»².

Существенное влияние философского учения Федорова на Платонова отмечает и другой известный английский исследователь Томас Шейфрид³, также убежденный в том, что без изучения идей Федорова трудно понять творчество Платонова. Точно неизвестно, пишет Т. Шейфрид, когда Платонов открыл для себя Федорова, но к середине 1920-х гг. в его произведениях начали появляться характерные федоровские идеи и термины, и его вдова впоследствии подтвердила, что «Философия общего дела» Федорова была на протяжении многих лет настольной книгой Платонова.

Томас Шейфрид имеет свой достаточно оригинальный и ироничный взгляд на учение Николая Федорова. Надо сказать, что в общем, российские исследователи гораздо более уважительно отзываются о личности

Николая Федорова и его творчестве, в то время как для зарубежных же исследователей он «эксцентричный аскет, сочетающий абсолютную веру в силу науки с эсхатологическими достижениями русской религиозной мысли»⁴.

Хотя Федоров, по мнению исследователя, прежде всего, известен своей утопической социальной философией, созвучной старым славянофильским идеям соборности, его влияние на Платонова скорее связано с онтологическими концепциями, присущими федоровскому видению социальных организаций. Федоров начал с допущения, что ключ к пониманию смысла человеческого существования на земле находится в физической смерти — для него один опыт распространяется на все человечество, и единственная идея универсальна для всей философии. Эта сконцентрированность на человеческой смертности привела его к дуалистическому заключению о природе космоса, сочетающей в себе жизнь и смерть (эта часть его идей также была подхвачена Платоновым). Для Федорова противоречие (несоответствие) между физическим существованием человека и тем, что это существование неуклонно прекращается самой природой, означает существенное несовершенство созданного мира. Он

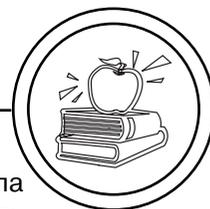
¹Малыгина Н. М. Андрей Платонов: Поэтика возвращения. — М., 2005. — С. 115.

²Федоров Н. Ф. Сочинения. — М., 1980. — С. 201.

³Thomas Seifrid. Andrey Platonov. — Cambridge, 1992.

⁴Там же.

КНИГОЗНАВСТВО

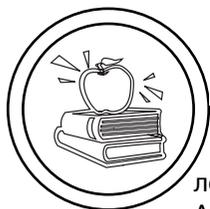
назвал это отношение космоса к живущим существам «неродственностью» и основную трагедию человечества видел в социальной разобщенности («небратстве»). По Федорову, все люди — братья, так как у них есть общий праотец, но смерть и энтропия разорвали эти узы, заставив человека забыть своих предков и жить изолированно от других. Именно в этом учении видит Томас Шейфрид истоки одного из основных мотивов в творчестве Платонова, мотива одиночества. «Непомнящий родства» — так назвал данный мотив Томас Шейфрид.

Другим очевидным проявлением влияния Федорова на Платонова Т. Шейфрид называет федоровскую идею о половом влечении и произведении потомства, что только увековечивает смерть и ведет ко все большему отдалению новых поколений от своих корней. К сожалению, зарубежный исследователь лишь констатирует это влияние, не приводя никаких примеров из платоновских произведений, его доказывающих или иллюстрирующих. Далее английский литературовед указывает на то, что Федоров, как и его современник К. Маркс, был далек от мысли, что философия призвана исследовать мир, а не пытаться его изменить. Н. Федоров полагал, что человек должен научиться контролировать климат, чтобы «вентилировать и промывать» Землю и даже управлять ею. Возможно, считает

Шейфрид, эта идея возникла под влиянием экспериментов, проводимых американскими учеными, которые производили дождь путем отправления в атмосферу приборов со взрывчатыми веществами. Здесь с Томас Шейфридом абсолютно солидарен Ален Тески, который подробно иллюстрирует то, как эта идея Федорова (а вместе с ним и Богданова) нашла свое воплощение в творчестве Андрея Платонова, в частности в рассказе «Потомки солнца», имеющем подзаголовок «Фантазия».¹

Действие данного научно-фантастического произведения происходит в будущем, когда федоровская идея контроля над природой объединившимся человечеством уже воплотилась в жизнь и население всего мира участвует в его переустройстве. Главный герой стремится контролировать природу таким образом, чтобы больше не было опасности засухи, потопа и других стихийных бедствий. Он также надеется устранить сезонные изменения погоды, которые замедляют темпы труда, стремится контролировать направление и силу ветра и изменить поверхность земли так, чтобы ветры могли проникать в те регионы, которых в настоящее время они не достигают. В пересказе английским славистом сюжета рассказа есть и неточности. Так, по Тески, инженер Вогулов стремится изобрести мощную машину, чтобы про-

¹Андрей Платонов. Потомки Солнца // Фантастика. — М., 1987. — С. 218—226.

КНИГОЗНАВСТВО

ложить туннель сквозь Гималаи. А у Платонова на самом деле герой собирается взорвать Гималаи: «Для этих работ надо было прежде всего изобрести взрывчатый состав невероятной чудесной мощи, чтобы армия рабочих в двадцать-тридцать тысяч человек могла бы пустить в атмосферу Гималаи¹», что позволило бы теплым потокам воздуха проходить и менять атмосферу.

Впрочем, ценность исследования Аленом Тески рецепции в творчестве Платонова идей повлиявших на него философов в диалектичности: литературовед не забывает подчеркнуть и критическое отношение Платонова к некоторым философским концепциям и проектам. Так, для «сатаны сознания» Вогулова, показывает исследователь, Создатель был беспечным дикарем, для которого творение мира было лишь забавой, пустой мимолетной прихотью. Вогулов видит себе личностью уровня Прометея, готового спасти человека из того ужаса, в котором оставил его Создатель. Для выполнения этой миссии он должен стать гением зла, «сатаной сознания, дьяволом мысли», который убил в себе все чувства и мысли о любви (у Платонова: Вогулову пришлось «убить в себе плавающее теплокровное божественное сердце» — Е. К.).

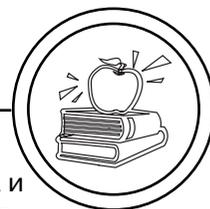
Сам же Томас Шейфрид видит отражение философских идей Федорова в критических статьях Платонова воронежско-

го периода. В них, по мнению английского ученого, будущий советский писатель призывает советскую науку изучать возможность согреть Сибирь и строит гипотезы о том, как заряженный свет может быть неистощимым энергетическим источником для советских фабрик. Сам тот факт, что английский исследователь обратил внимание не только на литературное творчество Платонова, но и его ранние публицистические статьи и проследил в них влияние философского учения Федорова, свидетельствует о довольно глубоком интересе в англоязычной критике к творческому наследию Платонова.

Томас Шейфрид также указывает на идеи Пролеткульта, которые, по мнению этого ученого, во многом заимствованы у Федорова, как на еще один источник идей, творчески осмысленных Платоновым. Однако, по мнению исследователя, Федоров не имеет отношения к утопической теории преобразования страны с помощью чисто технических средств прогресса — электрификации и индустриализации. Тем не менее, то интеллектуальное напряжение, которое Платонов «унаследовал» от Федорова, неизбежно сформировало его собственное отношение к советской идеологии: более сложное и противоречивое, чем просто идеалистическая критика материализма. С этим выводом исследователя невозможно не согласиться.

¹Андрей Платонов. Потомки Солнца // Фантастика. — М., 1987. — С. 218—226.

КНИГОЗНАВСТВО

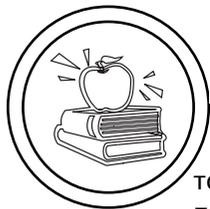
Вторым после Федорова по значению влияния, оказанного на формирование мировоззрения Платонова, Томас Шейфрид называет Александра Богданова. Платонову он был известен, прежде всего, как теоретик пролетарской культуры (он постоянно излагает доктрины Богданова в своих статьях начала 1920-х годов) и автор утопического романа «Красная звезда», мотивы которой прослеживаются в научно-фантастической прозе Платонова 1920-х. Как это случилось и с влиянием идей Федорова, Платонов идет дальше простых рассуждений о будущем пролетариата или поверхностного рассуждения об утопическом обществе на Марсе. Платонов, считает исследователь, научился у Богданова, сохраняя политическую и экономическую терминологию марксизма и, оставаясь, по крайней мере, номинально в рамках марксистского понимания истории, в же время придерживаться взглядов несовместимых, а в конечном итоге даже бунтарских по отношению к материализму. Интересное достижение богдановской философии, которое привлекало Платонова и приводило в ярость Ленина, проникновение целей идеалистической эсхатологии в «научную организацию труда», являющуюся, как настаивал Богданов, ответвлением исторического материализма К. Маркса.

Влияние идей Н. Федорова и в меньшей степени А. Богданова отмечали также в своих исследованиях Эрик Найман¹ и Роберт Чендлер.²

Подводя итоги данному обзору англоязычных и российских исследований рецепции идей А. А. Богданова и Н. Ф. Федорова в творчестве Платонова, следует подчеркнуть, что все ведущие исследователи, занимающиеся изучением творчества Платонова как в России, так и за рубежом, отмечали связь его литературного творчества с философией, многие из них изучали влияние философских концепций, оказанное на его мировоззрение, а следовательно, и на произведения. Некоторые исследователи само его творчество приравнивали к философскому учению (например, в диссертационных исследованиях Н. М. Елфимовой и С. В. Мясниковой). Но разные исследователи по-разному видели проявление этих влияний, что, на наш взгляд, объясняется отчасти разными идеологическими и национально-культурными стратегиями, влиявшими на российское и зарубежное литературоведение в 1970—1980-е гг., а также разным прочтением самого философского учения Федорова. Очевидно, что приоритете, а исследовании этого вопроса принадлежит американским и английским ученым, поставившим себе целью полностью изучить философские ис-

¹E. Naiman. Introduction [Platonov A. Happy Moscow. — London, 2001.]

²Robert Chandler. Introduction [The portable Platonov. — Birmingham, 1999.]

КНИГОЗНАВСТВО

токи мировоззрения русского писателя, настолько сильно отразившееся в его творчестве, что без его изучения невозможно изучение и осмысления творчества писателя. Западными исследователями (Томас Сейфрид, Аллен Тески) удалось установить, что на раннее творчество Платонова в гораздо большей степени повлияли философские концепции не Н. Федорова, а А. Богданова. К сожалению, советские ученые далеко не всегда имели

возможность публиковать результаты своих исследований, поэтому получалось, что советские литературоведы либо отрицали влияние Богданова (В. А. Чалмаев), либо не предавали ему особого значения.

В настоящее время, когда идеологические и цензурные рамки перестали ограничивать деятельность российских ученых, Н. М. Малыгина и С. Г. Семенова¹ подробно и глубоко исследовали данный вопрос.

1. Александров А. О повести «Котлован» А. Платонова // Грани. — 1970. — № 77. — С. 134. 2. Карасев Л. В. Движение по склону. — М., 2002. 3. Малыгина Н. М. Андрей Платонов: Поэтика возвращения. — М., 2005. 4. Семенова С. Г. Русская поэзия и проза 1920—1930-х годов. — М., 2001. 5. Семенова С. Г. Николай Федоров: творчество жизни. — М., 1990. 6. Семенова С. Г. В усилиях к будущему времени... (философия А. Платонова) // Литературная Грузия. — 1979. — № 11. — С. 104—121. 7. Федоров Н. Ф. Сочинения. — М., 1980. — С. 201. 8. Chandler R. Introduction [The portable Platonov. — Birmingham, 1999]. 9. Naiman E. Introduction [Platonov A. Happy Moscow. — London, 2001]. 10. Seifrid T. Andrey Platonov. — Cambridge, 1992. 11. Teskey A. Platonov and Feodorov. The influence of Christian philosophy on a soviet writer. — Amsterdam, 1982.

Надійшла до редакції 27.03.09

¹Малыгина Н. М. Андрей Платонов: Поэтика возвращения. — М., 2005. — Семенова С. Г. Русская поэзия и проза 1920—1930-х годов. — М., 2001.